

Предлагаемый читателю ниже случай мне рассказал один странный мимолетный знакомый. К сожалению, он не захотел назвать свою фамилию, но это и понятно - поведать такую сногшибательную историю под своим именем - безумие!

Мой новый знакомый оказался экстрасенсом очень сильного психического воздействия, обнаруживший свой дар совершенно случайно и тайно развивший его. Другими словами, он - **доморощенный колдун**, благодаря своей хитрости начисто скрывшийся от внимания властей. Об остальном - ниже.

Впервые в полной силе Михаил Олегович М. (инициалы - подлинные), или по другому Мом, как его называли друзья, ощутил свой феноменальный дар в 1984 году, когда ему исполнилось 28 лет. И при весьма пикантных обстоятельствах. В ту пору он дружил с женщиной, которую никак не мог склонить к любовным отношениям. Женщина была красива, и в купе со своей неприступностью разжигала неистовый, всепожирающий пламень в душе Мома.

Так уж получилось, что однажды судьба оставила их вдвоем в укромном уголке, и женщина немного расслабилась. А потом, в самый напряженный момент, словно очнувшись от сна, вновь взяла себя в руки. Но оказалось поздно - кавалер совсем осатанел. Вдруг уставившись на неё тяжелым взглядом, от которого у женщины побежали по спине мурашки, он резко крикнул: «Молчи! Не двигайся!» И она послушно выполнила приказание. А через несколько секунд женщина, как заколдованная, легла в постель.

С этих пор он понял, что имеет в себе фантастическую силу, способную делать из людей овец, и с азартом стал использовать её. А так как Мом родился Дон Жуаном, то вначале обратил свою силу на завоевание женщин. Надо сказать, что внешность Мом имел весьма заурядную, так что каждая победа была для него вдвойне сладка.

А потом он начал делать деньги, незримо извлекая их из карманов ничего не подозревающих сограждан. Вскоре Мом вошел в азарт и стал гипнотизировать кого попало. Он находил богатого человека, знакомился с ним, а определенный момент обирал и уходил, предварительно стерев из памяти потерпевшего все сведения о себе. Иногда биоэнергетические опыты Мома давали осечку - видимо, он ещё не совсем овладел методами воздействия на человека. Одна из таких осечек едва не стоила ему жизни.

Однажды в ресторане «Центральный» Мом познакомился с армянином не то с кличкой, не то с фамилией Хрензян. Тот регулярно посещал ресторан и всегда расплачивался щедро, не беря сдачи. Хрензян торговал на рынке фруктами, жил на квартире у красивой офицерской вдовы, и та прямо-таки купалась в хрензяновском купюрном изобилии. Обобрать армянина казалось делом простым. Мом сделал это, провожая нового знакомого с рынка домой, а потом ещё два раза аналогичным способом. Он не знал, что за торгашом всегда топают два соглядата-охранника и вот

они-то, после того, как Хрензян устроил им конкретную разборку, навели на мысль о Моме. Тут Хрензян и сам кое-что вспомнил. Естественно, что приговор выносится один - смерть!

И вот вечерком две небритые личности встречаются Мома с работы - он тогда трудился водителем троллейбуса, и кидаются на него с ножами. Бежать бессмысленно - это доморощенный феномен понимает в одно мгновение, и тогда остается одно средство - он резко выбрасывает руку вперед и командует: «Встать! Стоять! Вы - статуи!» Нападающие замирают на месте. Теперь они действительно статуи - даже в глазах не остается человеческого блеска. От страха и надвигающейся злобы Мом уже не может себя контролировать и делает из статуй сумасшедших, сумасшедших навсегда. Они и сегодня находятся в психиатрической больнице в отделении для буйных и с каждым годом ведут себя все более агрессивно.

С Хрензяном Мом тоже расправился, сделав из него сумасшедшего, но иного плана, чем его охранники. Тот начинает любить всё русское. Если верить Мому, то по возвращении в Армению тот не прожил и трёх месяцев - его убивают свои же в пьяной ереванской драке.

После этого случая Мом начинает действовать крайне осторожно. В это время (1987 год) к нему в руки начинают попадать книги, как-то объясняющие его феномен. Никогда прежде не читавший такой литературы, теперь Мом зачитывается ею вне всякой меры. «Черная и белая магия» Папюса просто очаровывает его, эту книгу он перечитал трижды и дал себе слово полностью овладеть властью над духами. И через полтора года добивается неслыханных успехов.

Для Мома наступает действительно богатая и сладкая жизнь. Теперь он промышляет на рынке, совмещая приятное с необходимым - поиск красивых женщин и больших денег. У Мома слюнки текли и руки дрожали, когда он все это рассказывал. Выход его всегда назначался на субботу. За час, или даже за два, прежде чем подняться с постели, он мысленно искал образ женщины, которую хотел бы сегодня встретить. И почти всегда женщины не походили друг на друга - брюнетки сменяли шатенок, толстые - тонких, молодые - средних лет: Мом любил разнообразие.

На рынке Мом опускал голову, переключал обычное зрение на внутреннее, так ему легче искать жертвы, и медленно шел мимо торговых рядов. Мало кто замечал его, я уже отмечал - Мом смотрелся самым заурядным человеком, но это только играло ему на руку, он не любил лишней раз показывать себя. С этого момента, по его словам, он буквально начинал купаться в человеческом естестве - ауры во всей красе вставали перед ним. Он читал каждую, ведь аура - это открытая книга души человека. И если она принадлежала женщине, то Мом открывал глаза.

Как всегда, он не ошибался выбором - перед ним оказывалось миловидное личико, стройная фигура, и если всё соответствовало его утренним мечтам, то начиналось самое интересное. Мом как бы подкрадывался, ненавязчиво, со смешинкой, вступал в разговор и вёл его до тех пор, пока ему не предоставлялась возможность **коснуться открытого**

тела

женщины:

например убрать пушинку со лба или игриво дотронуться пальчиком до руки. Всё! С этого момента женщина начинала безраздельно подчиняться ему. Она вдруг находила повод собрать вещи, принесённые на продажу, и уйти с рынка. Товарки провожали её изумленными взглядами... А женщина, кроме спины Мома, идущего впереди, которой необходимо было держаться, уже не видела ничего. Так они доходили до комнатки, которую Мом специально по субботам снимал у одного пьяницы с Коммунальной.

Знаете что меня поразило? Мом утверждал, что в такие моменты женщины отдавались своему кумиру-мужчине. Иногда это был Ален Делон, иногда Шварценеггер, в общем - кто-то из киноактеров или спортсменов, но никогда и никто из мужей.

Когда он сделал себе передышку на пол-минуты, я спросил его, а не боялся ли он венерических подарков? Мом презрительно усмехнулся: «Я же вижу, кто чем болеет».

- Может, скажешь обо мне чего?

- У тебя, Фома Неверующий, болит сердце, печенка - пить надо меньше. Давление 60/95. Верно?

- Верно! - пришлось униженно покивать головой. - И многих же ты перепробовал?

- Считаю, каждую субботу в течении трёх лет ходил на охоту. 180-190 штук перехватил.

- Девушки попадались?

- Базар - не для девушек. Мало.

- А замужние?

- Всё больше они и были.

- **Никто из мужей не догадывался?**

- И не догадается. Где им, олухам, за своими бабами уследить! Впрочем, по моим меткам могут. Знаешь, я на бабах метки ставил, чтобы вторично не вляпаться. По ним можно узнать.

- **Может скажешь, какие они и где стоят?**

- На левой стороне шеи - черная родинка.

- **Да мало ли...**

- Нет, мою отличить можно. Натуральную не снимешь, а от моей любой экстрасенс в момент избавит. Понял?

- **А далее** Мом рассказал об экспроприации денежных средств тоже, так сказать, экстрасенсорным способом. Оказалось, механика действия такая же, как и в случае с женщинами. Мом находил удачливого бизнесмена, то бишь спекулянта, отводил его в сторонку, и тот собственноручно отдавал ему свои сбережения.

Со стороны казалось, что человек расплачивается за что-то или кредитует другого человека. Обычная картина на всяком рынке. А через мгновение, после вторичного момого касания, жертва забывала всё, что с ней только что произошло и быстро уходила по своим делам.

- **Богато жил!** - нашёл я возможность вернуть свое слово во второй раз.

- Неплохо, - буркнул Мом, стрельнув на меня недовольным взглядом, - если бы не жена,

совсем хорошо бы жил.

- **А жена чего, мешала?**

- Совесть подалась, всё время пыталась докопаться, откуда я столько денег таскаю.

- **Ты бы её того... заколдовал.**

- Я и так. Только с куклой жить противно.

- **А сейчас что, завязал?**

- Я бы завязал, когда рак на горе свистнул. На небо меня брали, дар из меня вытащили, врезали по морде и домой отпустили. А вдогонку сказали, чтобы я собирался. Долго мне здесь на земле не жить.

- **Страшные вещи говоришь!**

- Что было, то было.

- **И об этом можешь рассказать?**

И Мом, задумчиво глядя на золотую печатку на среднем пальце, начал рассказывать. В руке его слабо дрожала сигарета. Эту часть его откровений я записывал, поэтому привожу дословно:

- **Знал я, знал, что если на корысть свалюсь, то дар у меня отберут.** Знал, но не верил, думал, что это где-то у кого-то, я же человек незаметный, до меня, глядишь, не дотянется, а если и стукнут - не сильно, вскользь. Так и жил до того дня...

Знаешь, помню тот день до мелочей: словно кто-то его мне в память молотком забил. Встал в тот день поздно - часов в восемь, всё никак не мог определиться, какую бабу брать: алчную-рыжую, или поспокойнее-попокладистее блондинку. Решил - блондинку. Ну и пошёл. А в голове словно маленькие алмазные колокольчики звенят. Знаю, что нет таких - алмазных, но уж больно тонко звонили. И чем я ближе подходил к рынку, тем они сильнее звонили, и тем их становилось больше. Я было совсем уже хотел домой вернуться, но жажда приключений оказалась выше всяких страхов.

Знаешь, где это произошло? Перед самым крытым рынком. Вдруг вижу перед собой розовый столб, диаметром метра полтора. И этот столб рос, рос, пока вершина его не уперлась в небо, и его не стало видно совсем. И в тот момент колокольчики умолкли вместе с другим рыночным шумом - полная, мёртвая, страшная тишина. И в этой тишине меня, словно лягушку к ужу, подтянули к розовому столбу - своей воли не осталось ни грамма. Когда вошел в столб, мне стало жарко, душно, тошно...

Я хотел вырваться, но ощутил, что кругом такая жёсткая, непробиваемая стена, что лучше с ней не тягаться. Тогда в отчаянии я опустил руки и закрыл глаза, пытаюсь переключиться на внутреннее зрение. А дальше меня потащило вверх, как будто гигантский пылесос втягивал, правда, никакого порыва ветра не ощущалось. И так, буквально, несколько минут. А потом последовал толчок, движение остановилось и я открыл глаза.

Знаешь кого я увидел? Не поверишь! Двух мужчин в золотой воздушной одежде, лица у них тоже сияли золотым светом, и такую же золотую женщину. А вокруг них застыл синий, прозрачный до бесконечности удивительный мир, в котором я знал всё и обо всём. Да-да: я знал, как создана Вселенная, как создан человек, как они взаимодействуют между собой и кто такой Бог.

Я почти видел его, стоило лишь сделать усилие, кажется, мне надо было раскаяться... Но душа не могла...

Дальше так. Мужчина с голубыми глазами сказал мне, что дар божий я использовал не по назначению. А должно мне было врачевать людей, причем бескорыстно, отдавая всего себя. Посему дар у меня отнимается. После этого второй мужчина подошёл ко мне и раскрыл грудь. Ну, конечно, не физическую, а, может быть, ментальную грудь - не знаю. Какое-то тусклое с коричневым оттенком пламя вырвалось из меня, и я почувствовал страшную боль.

Я закричал так, что, наверное, было слышно на Земле. Тогда вслед за мужчиной ко мне подошла женщина. Она что-то стала искать в моей груди. Огонь не коснулся её. Он

обтек её руки, даже отшатывался от них и, вероятно, совсем не жёг. Она вытщила свои руки и боль прошла. Я открыл глаза. Господи! В руках её сверкало нечто вроде золотого яйца. Нет, скорее это был яйцевидный, медленно пульсирующий сгусток золотого света.

Женщина высоко подняла его над головой, и оно вдруг начало меркнуть в её ладонях, пока не растворилось совсем, словно сахар в горячей воде. Как только оно растаяло, синеглазый сказал мне, что я свободен и сейчас должен снова спуститься на землю. Тотчас вокруг меня стал появляться розовый столб. Последнее, что я слышал, это - «Подумай о своем прощении, ведь скоро ты обретишь смерть». Когда я открыл глаза, то стоял посреди толпы.

Мом медленно доцедил сигарету и закурил ещё одну.

- **Может тебе это показалось, а?** - неуверенно спросил я.

- Кой черт! С тех пор я не могу подчинить своей воли никого! Так что ты меня зря побаиваешься.

- **Я?!**

- Ладно-ладно, не будем.

Ещё полчаса я разговаривал с Момом, а потом мы расстались, и я его больше не встречал. А зайти к нему страшно - не могу смотреть на человеческое горе, хотя и заслуженное.

Ю. КОЗИН, Сегодняшняя газета №61, 10 сентября 1994г.